

Когда трактирный слуга расставил на столе исходящие паром кушанья, Сюэ Бэйван, довольно прищурившись, принялся заботливо подкладывать лучшие кусочки в пиалу Бай Чэнцзюэ.

Блюда выглядели простыми, без изысков, однако первый же кусочек раскрыл удивительно тонкий, богатый вкус.

Бай Чэнцзюэ ел мало. Едва притронувшись к еде палочками, он подпёр щеку ладонью и принялся с тихой улыбкой наблюдать за своим спутником.

Юноша ел совсем не так, как это было принято при дворе — без жеманного, неспешного изящества, но и без разбойничьей грубости. В его аппетите сквозила такая искренняя, живая радость, что даже ароматы изысканных яств меркли перед тем, с каким удовольствием он уплетал обед.

Бай Чэнцзюэ не удержался и прикрыл рот ладонью, тихонько рассмеявшись.

Сюэ Бэйван растерянно поднял глаза. Заметив эту мягкую усмешку, он на мгновение замер с набитым ртом, а затем густо покраснел и стал жевать гораздо медленнее, стараясь выглядеть как можно пристойнее.

Бай Чэнцзюэ достал шёлковый платок и бережно стёр каплю соуса с уголка его губ. Сюэ Бэйван застыл, прижав ладонь к щеке. С палочками в руках он сидел неподвижно, внезапно позабыв, как нужно держать приборы.

— Что такое? — мягко спросил Бай Чэнцзюэ.

Сюэ Бэйван лишь мотнул головой и, поспешно отведя взгляд, принялся с самым сосредоточенным видом жевать побег бамбука.

— Ну вот, весь аппетит растерял, — с притворной грустью вздохнул Бай Чэнцзюэ. — Неужели тебе так неловко рядом со мной?

Сюэ Бэйван качнул головой:

— Просто боюсь показаться неотесанным и напугать тебя.

— С чего бы? Ты ел с таким упоением, что от тебя глаз невозможно было отвести.

От такой похвалы из уст бывшей первой красавицы юноша предательски покраснел до кончиков ушей. Он снова уткнулся в свою чашу, поспешно орудуя палочками, а Бай Чэнцзюэ, с трудом сдерживая смех, то и дело тянулся к нему с платком, стирая следы соуса с его лица.

Спустя полчаса на тарелках не осталось почти ничего, кроме капель подлив.

Сюэ Бэйван облизал губы и, уперев ладони в бедра, лихорадочно соображал, как бы половчее предложить хозяину отработать долг на заднем дворе. Но не успел он открыть рот, как перед его глазами уверенным блеском засиял увесистый золотой слиток.

Бай Чэнцзюэ небрежным движением заставил звякнуть настольный колокольчик. На чистый хрустальный звук мгновенно откликнулся слуга, проскользнувший в комнату с подобострастной улыбкой.

— Сдачу оставь себе, — небрежно бросил он.

— Благодарю вас, господин! Премного благодарен! — Трактирщик расплылся в довольной ухмылке, ловко сгреб золото и тут же испарился за дверь.

Сюэ Бэйван, хоть и вырос в императорском дворце и не привык дрожать над каждой монетой, всё же заметно смутился.

— Что опять не так? — с интересом спросил Бай Чэнцзюэ.

Сюэ Бэйван негромко стукнул кулаком по столу и серьезно посмотрел на своего спутника. Мысль о том, что за обед заплатил Бай Чэнцзюэ, заставила его еще сильнее покраснеть — то ли от смущения перед столь явной заботой, то ли от уязвленной гордости.

— Негоже... Не ты должен был платить, — наконец выдавил он.

— По-твоему, я круглая сирота без гроша в кармане? — усмехнулся Бай Чэнцзюэ. — Или мне действительно стоило позволить тебе расстаться с памятной подвеской?

Он прекрасно понимал, о чем думает этот упрямец. Но как он мог позволить человеку, который едва оправился от смертельных ран, гнуть спину в дешевом трактире ради горстки медных монет?

Сюэ Бэйван упрямо поджал губы и промолчал. Видя, что тот всё еще хмурится, Бай Чэнцзюэ мягко щелкнул его указательным пальцем по лбу.

Юноша удивленно потер лоб и посмотрел на него снизу вверх, оставаясь при этом сурово нахмуренным.

— В следующий раз не смей так делать. Я бы справился, — тихо, но твердо произнес он.

Ему до боли в груди не хотелось тратить сбережения своего спутника — те самые крохи, что Цзюэюй берег, чтобы обустроить свою жизнь после выкупа из борделя.

Бай Чэнцзюэ подался вперед, заглядывая ему в глаза, и заговорщически прошептал:

— Когда ты собирался отдать за ужин семейную реликвию, у тебя лицо не было таким кислым. Неужели ты думаешь, что мне не пристало ходить по дорогим заведениям?

— Дело не в этом, — поспешно возразил Сюэ Бэйван. — Если тебе нравится здешняя еда, я сам научусь готовить эти блюда для тебя.

— Договорились. Только сперва поправься как следует.

На самом деле Бай Чэнцзюэ никогда не стремился к роскоши. Он выбрал этот дорогой ресторан лишь потому, что Сюэ Бэйвану требовалась легкая, но питательная пища для восстановления сил, а в простых забегаловках пресные лечебные блюда превратили бы обед в унылую пытку. К тому же за последнее время в поместье князя Миня парень толком и крошки во рту не держал. Ему жизненно необходимо было хоть раз досыта поесть чего-то по-настоящему стоящего.

Они поднялись и вместе направились к выходу. В этот момент в глубине просторного зала, скрытый за ширмой одного из уединенных столиков, сидел холеный мужчина. С тихим шорохом он раскрыл дорогой веер, лениво обмахивая грудь, и проводил уходящую пару долгим, насмешливым взглядом.

— Значит, Цзюэюй после выкупа достался этому оборванцу?

Стоящий рядом слуга почтительно склонился:

— Всё так, господин. Изволили уйти вместе.

Мужчина с резким стуком захлопнул веер и ударил им по столу:

— Ничего выдающегося в этом мальчишке не вижу. И ради такого безродного отребья Цзюэюй посмел отклонить мое приглашение? Похоже, этот паяц совсем забыл свое место!

— Но, господин... он ведь мужчина.

— И что с того? Держать его при себе как певчую птичку в золотой клетке всё одно приятнее, чем смотреть, как он пресмыкается перед всяким сбродом.

\*\*\*

На обратном пути Сюэ Бэйван дважды звучно чихнул.

Заметив на себе обеспокоенный взгляд Бай Чэнцзюэ, он неловко потер плечи и пробормотал:

— Должно быть, оделся слишком легко. Ветер сегодня кусачий.

Бай Чэнцзюэ лишь молча улыбнулся в ответ.

Однако стоило им вернуться в усадьбу, как он сам отправился на кухню и вскоре принес в комнату Сюэ Бэйвана исходящую паром пиалу с горячим имбирным отваром.

Бай Чэнцзюэ поставил чашу на низкий столик и присел на край кровати:

— Пусть отвар немного остынет, выпьешь позже. А сейчас давай сменим повязки.

В опустевшем доме не осталось ни единого слуги, так что Бай Чэнцзюэ приходилось самому метаться между комнатами, согревать воду и раскладывать целебные мази.

Когда он принялся бережно обмывать его раны, Сюэ Бэйван несколько раз порывался выхватить у него холстину, чтобы справиться самому, но каждый раз получал чувствительный шлепок по ладони.

— Сиди смирно, — негромко, но строго осадил его Бай Чэнцзюэ.

Услышав этот непривычно жесткий тон, Сюэ Бэйван оторопел и послушно замер на месте, больше не смея перечить.

Холодный травяной бальзам мягко ложился на иссеченную кожу. Бай Чэнцзюэ осторожно дул на воспаленные места, и это легкое, прохладное дыхание приносило мгновенное облегчение.

— Шрамы останутся на всю жизнь, — тихо заметил тот.

— Мужчине не пристало бояться шрамов. Главное, чтобы ты не испытывал ко мне отвращения из-за них.

Бай Чэнцзюэ ласково улыбнулся и принялся аккуратно бинтовать его торс чистым полотном:

— Глупости. Отвращения я не чувствую, но рисковать жизнью ради такого... оно того не

стоило.

— Твоя правда. Совсем не стоило, — буркнул Сюэ Бэйван.

При одном упоминании о князе Мине и его надменном, пренебрежительном взгляде Сюэ Бэйван сжимал зубы от злости. И дёрнул же его чёрт броситься на помощь! Видно, затмение нашло, раз ввязался в чужую драку и едва не отправился к праотцам.

— Надо было оставить его там, пусть бы те разбойники пустили ему кровь. Меньше было бы позора и обид, — сокрушенно выдохнул юноша.

Бай Чэнцзюэ на миг замер, но тут же усмехнулся, покачав головой:

— Впредь даже не думай о нём. Такие люди, как князь Минь, не знают благодарности. Даже если ты отдашь за него жизнь, он забудет о твоей жертве в тот же миг.

Слова спутника отозвались в душе Сюэ Бэйвана уколom ревнивой горечи. Он нахмурился:

— Ты так хорошо его знаешь?..

— Он частенько бывал моим покровителем в Башне Сотни Ароматов.

— И он... заставлял тебя разделять с ним ложе? — Бэйван выпалил это раньше, чем успел подумать, и тут же испуганно замахал руками: — Нет-нет, забудь! Даже если и так, мне всё равно! Цзюэюй теперь принадлежит только мне, а что было в прошлом — меня не касается. Если не хочешь, не говори, я не стану дуться или упрекать тебя.

Бай Чэнцзюэ завязал аккуратный узел на повязке и опустил взгляд:

— Между нами ничего не было. Он приходил лишь для того, чтобы послушать мою игру на цине.

Сюэ Бэйван пристально всматривался в его лицо, пытаясь уловить хоть тень фальши, но взгляд Бай Чэнцзюэ оставался чистым и спокойным, словно гладь лесного озера. Тем не менее ревность продолжала точить его сердце, заставляя задавать новые вопросы:

— И какого же ты о нём мнения?

— Князь Минь щедр, но глубоко равнодушен ко всему, кроме собственной выгоды, — негромко ответил Бай Чэнцзюэ. — Если ты, Сюэ Бэйван... если ты когда-нибудь решишь вернуться в его поместье, запомни мой совет: никогда не открывай ему душу. В час испытаний, когда на кону

будут стоять его интересы, он без колебаний предаст тебя. Или убьет, если сочтет нужным.

То, с какой пугающей точностью Бай Чэнцзюэ описывал характер своего прежнего покровителя, лишь сильнее разожгло в груди Сюэ Бэйвана пожар ревности.

Не выдержав, он порывисто перехватил тонкие запястья Бай Чэнцзюэ и заглянул в его бездонные, безмятежные глаза:

— А обо мне... знает ли мой Цзюэюй, какой я человек?

Бай Чэнцзюэ тихо рассмеялся. Мягко высвободив ладони, он вновь коснулся пальцем его лба:

— Ты? Ты просто неисправимый глупец.

<http://bllate.org/book/18210/1752044>